

История социологии

М. К. Горшков

Социология в России: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ¹

DOI: 10.19181/snsp.2017.5.2.5147

Горшков Михаил Константинович — доктор философских наук, академик РАН, директор, Институт социологии РАН.

117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

E-mail: director@isras.ru

Тел.: +7 (495) 719 09 40

Аннотация. В статье раскрывается национальная самобытность русской социологии, выделяются основные факторы этой самобытности. Специфика российской социологии определяется автором тремя оценочно-аналитическими измерениями: исторические корни; субстанциональное и институциональное становление; современное состояние и ресурс дальнейшего развития. Отмечается, что утвердившийся плюрализм современной российской социологии связан с переосмыслением доминирующих мировых теоретических направлений. Делается вывод о необходимости научно-критического осмысления возможности применения накопленного западными социологическими школами знания, причем непременно в контексте формирования уважения к собственным национальным традициям социального мышления.

Ключевые слова: российская социология, самобытность, традиции, история, современность.

Социология (от латинского *societas* — общество и древнегреческого *λόγος* — наука) — одна из самых молодых научных дисциплин, представленных в системе современного социогуманитарного знания. Будучи подготовлено всем предшествующим идейным, социально-политическим, экономическим и духовным развитием человечества и связано с глубокими мировоззренческими изменениями, имевшими место в конце XVIII — начале XIX веков, её возникновение и последующее становление в качестве самостоятельной сферы научных изысканий пришлось на тот исторический период, который принято именовать эпохой модерна. Именно он способствовал конституированию предметного поля новой социальной науки — своего рода ответной реакции на потребность социальных субъектов Нового времени в изучении социума на принципиально новой — соединяющей теорию с эмпирическими обоснованиями — основе в целях более эффективного разрешения острых социальных проблем, отражающих внутренние противоречия индустриальной эпохи [Новикова, 1996; Социология..., 1998; Новикова, 2000; Гофман, 2001; Подвойский, 2005; Зборовский, 2015; Обыденное..., 2015].

Универсального определения предмета социологии, как и самой социологической науки, не существует. Однако чаще всего она трактуется как **наука об обществе, образующих его системах, закономерностях его функционирования**

¹ Полная версия. В сокращенном варианте статья опубликована в журнале «Гуманитарий Юга России». 2017. № 1. С. 13–26.

и развития, социальных институтах, отношениях и общностях, как дисциплина, изучающая родовые свойства и основные закономерности общественных явлений. При этом социология познает социум, раскрывая внутренние механизмы его строения и развития его структурных элементов (социальных общностей, институтов, организаций и групп), закономерности социальных действий и массового поведения людей, а также отношения между личностью и обществом.

Предпосылки возникновения социологии в России (середина XIX – конец XIX века)

В научный оборот понятие «социология» ввёл, сопроводив его соответствующими пояснениями, французский философ-позитивист Огюст Конт. Произошло это весной 1839 г. во время работы над четвёртым томом фундаментального шеститомного труда «Курс позитивной философии» – основы научного наследия учёного, озаботившегося проблемой создания объективной науки об обществе, помогающей людям действовать рационально в соответствии с двумя базовыми потребностями – в порядке и прогрессе [Лапин, 2003: 25–33].

По мнению Конта, новая научная дисциплина, призванная устанавливать универсальные объективные законы развития и функционирования социума, должна была отказаться от абстрактного бездоказательного философствования – «умозрительных» рассуждений, метафизики и теологии, дабы, в противовес им, стать точной наукой о человеческой реальности сродни физике или биологии. Наукой, совершающей свои открытия на основе тщательного сбора эмпирических данных, осуществляемого посредством трёх методов – наблюдения, эксперимента, сравнения (в том числе исторического), применяемых объективно и независимо от оценочных суждений исследователя. При этом она позиционировалась им как своего рода «царица наук», всеобъемлющая дисциплина, синтезирующая знания о путях улучшения социума. И хотя стремление Конта сделать ее таковой не реализовалось, а натуралистические и позитивистские традиции в социологии постепенно преодолевались, многие впоследствии разделяли его веру в необходимость создания интегральной универсальной научной дисциплины об обществе.

Социология предлагает особый взгляд на мир людей и их социальные взаимоотношения и взаимодействия, специфический способ видения окружающей социальной среды, отличающийся от обыденных представлений о ней в трёх основных аспектах. *Во-первых*, социологи с классическим образованием придерживаются практик

целостного, системного понимания общества, рассматриваемого ими в единстве составляющих его компонентов (социальных групп, институтов, подсистем и пр.). Во-вторых, социологическое познание строится на основе использования определённой методологии и методик, вследствие чего истинность фиксируемых фактов и обобщений устанавливается посредством эмпирических исследований путём сопоставления выдвинутых гипотез с полученными в ходе их реализации данными. В-третьих, специфика социологического видения общественных явлений и процессов выражается в применении особого концептуального аппарата, позволяющего понять в общественной жизни многое из того, о чём простой человек может и не догадываться.

Как справедливо замечает австро-американский социолог, социальный конструктивист Питер Л. Бергер: «...**социологический подход** – это способность замечать общее в частном» [Бергер, 1996]: хотя любой человек отличается от других, существуют общие для людей модели поведения. В результате же социологического постижения мира у самых обычных людей развиваются **социологическое мышление и воображение** (понятие ввёл американский социолог и публицист Чарльз Райт Миллс), *способность охватывать тонкую материю социального взаимодействия и умение абстрагироваться от личного опыта повседневной жизни* [Миллс, 2001].

Благодаря социологическому воображению мы получаем возможность оценивать, казалось бы, очевидные вещи, отказываясь при этом от распространённых представлений о них; осознавать причины существующих между людьми социальных и культурных различий; прогнозировать появляющиеся в нашей жизни шансы и препятствия; активизируем собственную социальную, гражданскую и политическую активность и др. Разумеется, формирование и культивирование социологического стиля мышления – наиболее органичного способа правильной ориентации человека в жизненном пространстве, развитие социологического воображения – сложный процесс, предполагающий обоюдную ответственность человека и общества. Однако неумение (или нежелание) использовать их в повседневной жизни, равно как и воспрепятствование этому со стороны социума, формирует одномерную личность с искажёнными взглядами на общую картину мира и своё место в нём.

Дискуссии о сущности и содержании социологической науки ведутся уже давно и детально отражены в многочисленных работах отечественных и зарубежных исследователей. Думается, что данный вопрос имеет не чисто академический, но и практический характер, ибо позволяет увидеть органическую связь между социологией и научными основами управления обществом. Различные научные школы трактуют суть данной науки по-своему, хотя и имеют немало общего. Разнообразие подходов, мультипарадигмализм, характерный для современного состояния социологической дисциплины, приводят к тому, что ни одно из ныне существующих определений социологии не является полностью удовлетворительным [Аберкромби и др., 2004: 449]. Мы же будем исходить из того, что в современной развёрнутой интерпретации *социология представляет собой*

науку о закономерностях становления, функционирования и развития общества, которая изучает социальные факты, процессы, отношения, деятельность и поведение индивидов и социальных групп, институциональные формы их организации на основе широкого использования эмпирических данных [Горшков, Шереги, 2009: 6].

В России становление социологии как самостоятельной науки, способной изучать общественные явления методами, подобными тем, что применяются в естественнонаучных дисциплинах, начинается со второй половины XIX столетия и опосредуется условиями пореформенного развития страны, заметно возросшим интересом к социальным и духовным проблемам жизни общества, вопросам справедливости и социального прогресса. При этом, придя с Запада, идеи, легшие в её основу, стали быстро принимать собственные оригинальные формы и развиваться в соответствии с отечественными национальными культурными традициями и политическими, экономическими и прочими обстоятельствами. Таким образом, говоря о «русской социологии», мы имеем в виду Россию не столько как географическое, сколько прежде всего как историческое, социокультурное понятие, некое социокультурное единство.

Обращаясь к предпосылкам, которые определили и само возникновение, и историческую логику становления отечественной социологии, отметим, что они, пожалуй, как нигде были обусловлены своеобразием общественной жизни России XVIII–XIX столетий. В течение длительного времени проблемы состояния и развития общества освещались в России преимущественно художественными средствами (поэзии, прозы, публицистики и т. д.). Не случайно, рассуждая о великом русском критике Белинском, Г. В. Плеханов характеризовал его как «великого социолога» [Плеханов, 1925]. Что же касается идейной основы возникновения отечественной социологической мысли, то она, безусловно, неразрывно связана с трудами Ю. Крижанича, М. В. Ломоносова, А. Н. Радищева, П. Я. Чаадаева, а также с произведениями русского философа, поэта и критика В. С. Соловьёва. В своих работах они не только дали блистательные образцы социологического анализа русского общества и личности, но и доказали, что в понимании многих вопросов государственного устройства и общественных отношений российские мыслители не уступают своим коллегам из других стран, а в чём-то их и превосходят.

Возникновению социологии в России как самостоятельной области научных знаний предшествовал период развития общественной мысли, совпавший с появлением и чётким разграничением в ней двух мировоззренческих ориентаций: *западнической* и *славянофильской*. *Первое направление* (П. В. Анненков, В. П. Боткин, Т. Н. Грановский,

К. Д. Кавелин, М. Н. Катков, И. С. Тургенев, П. Я. Чаадаев, Б. Н. Чичерин и др.) ратовало за воплощение в России основных ценностей либерального Запада и ликвидацию на этой основе исторического отставания страны при сохранении её национальной идентичности, и было ориентировано на усвоение и развитие на российской почве идей великих европейских философов — Канта, Гегеля, Фихте и т. д. *Второе* (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин, П. В. Киреевский, А. И. Кошелев и др.) выступало с обоснованием самобытного и принципиально отличного от западноевропейского пути исторического развития России и предполагало приоритетное осмысление её исторической судьбы, культуры и места в мировой цивилизации, что, однако, вовсе не закрепощало отечественную социальную мысль, не вынуждало обществоведов того времени придерживаться узких рамок, но наоборот — стимулировало их стремиться к синтезу идей, полемике с западной наукой [Подробнее см., наприм.: Киреевский, 1984; Кошелев, 2010; Аксаков, 2002; Гильфердинг, 2009; Славянофилы, 2009].

Важнейшей исходной особенностью российской обществоведческой мысли того времени являлся *органический подход к обществу*. При этом менее всего речь шла о концепциях натуралистического типа, которые хотя и имели в нем место, но пользовались незначительным влиянием. Органический подход заключался в стремлении представить мир как некое иерархически устроенное целое, где общество и человек — суть взаимодействующие элементы. Этим определялась склонность мыслителей России к широчайшим социологическим обобщениям, базирующимся на основе описания всемирной социальной эволюции и принципа единства микрокосма и макрокосма. Отсюда же — стремление найти и обосновать общезначимый социальный идеал, следуя которому возможно освободить общество от нарушающих его органичность тенденций и сознательно направить его в сторону достижения органической целостности в духе социального конструктивизма.

Однако, пожалуй, главной особенностью начального этапа развития социологии в России стало, по признанию большинства экспертов, большое влияние на данный процесс двух сформировавшихся к середине XIX века течений — *позитивизма* и *марксизма*. И это вполне закономерно, поскольку при всей самобытности русской социологии её становление происходило в общем русле развития мировой общественной мысли. И если говорить о начальном этапе зарождения отечественной социологии (50-е — 90-е годы XIX века), то, как и на Западе, она возникла в лоне позитивистской доктрины, предложенной О. Контом.

Примечательно, что уже в 1845 г. работы Конта имелись в библиотеке петрашевцев — участников собраний разночинной русской интеллигенции, благодаря чему с ними смог ознакомиться большой круг молодёжи. Позитивизм и социологические идеи О. Конта активно обсуждались в кружке В. Г. Белинского, бывшего в то время «властителем дум» интеллектуальной молодёжи, внимательно следившей за духовной жизнью Европы, особенно Франции. И здесь нельзя не вспомнить Валериана Майкова — рано скончавшегося молодого писателя (1823–1847),

давшего в своей неоконченной работе «Общественные науки в России» ёмкую трактовку контовского «Курса позитивной философии» и подчеркнувшего значимость и влияние его основных идей.

В. Н. Майкова называют первым русским позитивистом. Ещё при жизни О. Конта он первым познакомил Россию с его идеями и заговорил о необходимости создания новой науки об обществе. Поразительно, как совсем молодой для понимания сути социальных наук человек сумел дать глубокий критический анализ состояния общественных дисциплин того времени и предвидеть будущность русской социальной науки. «Мы поняли теперь, — писал В. Н. Майков, — что самое разнообразие цивилизации западно-европейских народов свидетельствует об односторонности каждого из них, что мы должны делать строгий выбор между тем, что должно и чего не должно у них заимствовать. Следовательно, первые шаги наши на поприще создания национальной науки должны состоять в строгом критическом разборе наук Запада» [Майков, 1845].

Состояние русской дореволюционной социологии (конец XIX века — 1917 г.)

В целом в развитии социологической мысли в дореволюционной России можно выделить три этапа: 1) с начала 1860-х годов до 1890 г.; 2) с 1890-х годов до начала XX века; 3) с начала XX века до 1917 г.

Первый этап был связан с возникновением целого ряда социологических школ и направлений, большинство которых сложилось, как отмечалось выше, под влиянием позитивистской социологии О. Конта. Отметим при этом, что увлечение российских социологов позитивизмом не было простым заимствованием положений последнего: они никогда не были ортодоксальными позитивистами и относились к идеям О. Конта достаточно критично.

Ярким событием указанного периода стало творчество видных публицистов и идеологов народничества П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского, работы которых были написаны в русле методологии позитивизма. Развиваемое ими направление получило название «*этико-субъективной школы*» и утверждало, что объективное изучение общественных явлений должно сочетаться с их субъективной оценкой, основанной на принципах этики и социальной справедливости. В центре научных интересов мыслителей находились вопросы общественного прогресса и социального идеала, а главная задача социологии как науки виделась им в раскрытии гуманистического содержания общественно-го прогресса и его соотношении с потребностями развития личности.

Именно с их работ, по словам известного историка и социолога Н. И. Кареева, представлявшего близкое к «этико-субъективной» школе *психологическое направление*, и началась в России по-настоящему социологическая литература.

В позитивизме русских социологов привлекало стремление к научному методу, к логике современной науки, к созданию целостного учения об обществе. В духе Конта уже на начальном этапе становления отечественной социологии осмысливается и её функция: *социология рассматривается как интегративная наука*, опирающаяся на синтез всех научных знаний и разрабатывающая всеобщие социальные законы. Неслучайно характерной чертой первых российских социологов стала тяга к всеобъемлющим обобщениям, опора на колоссальный и разнородный эмпирический материал.

Постепенно в отечественной социологии складываются различные школы и направления социологической мысли: *натуралистическая социология* (А. И. Стронин, Л. И. Мечников и др.), *психологическое направление* (П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, Н. И. Кареев, Е. В. де Роберти), *историческая школа* (Н. Я. Данилевский) и др. Наряду с так называемой академической социологией получают развитие *идеологическая* (В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев) и *политическая социология* (А. И. Стронин, В. В. Ивановский, Б. Н. Чичерин, М. М. Ковалевский, М. Я. Острогорский, Г. В. Плеханов и др.). Активно утверждается *марксистская социология*, представленная в двух вариантах: ортодоксального марксизма (Г. В. Плеханов, В. И. Ульянов-Ленин) и так называемого «легального» марксизма (П. Б. Струве, С. Н. Булгаков, М. И. Туган-Барановский).

Как следствие, в конце XIX века социологическая карта России напоминала пёстрое одеяло, скроенное из самых разных, порой неожиданных теоретических направлений. С небольшим отставанием в стране воспроизводилось всё то, что было к тому времени в европейской социологии: эмпирические открытия, теоретические идеи, идейные увлечения. Активно переводилась зарубежная учебная литература, научные монографии. Достаточно быстро нарастало количество тематически специализированных публикаций. Когда в 1897 г. вышел в свет первый учебный обзор по социологии Н. И. Кареева («Введение в изучение социологии»), его библиография, состоявшая из почти 900 работ, насчитывала около трети изданий, принадлежащих русским авторам.

С конца XIX – начала XX веков начинает доминировать мнение, согласно которому социология представляет собой одну из многих социальных наук, имеет собственный предмет исследования и специфические задачи. Именно в таком понимании она всё более органично внедряется и принимается в научных и общественных кругах и, что очень важно, проникает в академическую среду российского социума. Одновременно социологический подход начинает широко использоваться и в других социальных дисциплинах.

Как бы творчески насыщено и влиятельно могли сложиться судьбы отечественной социологии, активизироваться процесс её институционализации и раскрыться черты её национальной самобытности, если бы не одна характер-

ная черта её эволюции — неприятие социологической науки властями предрезающими, влияние на её развитие политических процессов и событий. Начало резко негативному отношению к социологии положил отнюдь не сталинский режим, о чём ещё нередко говорят в студенческих аудиториях, а царские власти, в особенности в конце XIX — начале XX столетий. Дело дошло до того, что на волне отождествления социологов с социалистами в Россию был запрещён ввоз социологической литературы, а Русскую высшую школу общественных наук (которую справедливо называют «первым русским факультетом социологии») пришлось открывать в 1901 г. в Париже. Несмотря на политическое давление и французских, и российских властей, за несколько лет своего существования Школа сумела выпустить сотни слушателей, ставших в России проводниками передовых социологических идей. Однако царский режим не уступал: под угрозой лишения её слушателей российского гражданства через несколько лет (1906 г.) её пришлось закрыть, чему объективно способствовало и втягивание слушателей в политическую борьбу, опосредованное выступлениями в Школе лидеров политических группировок, и отход интересов учёбы на второй план.

И всё же после длительного противостояния и не без влияния уроков первой русской революции (1905—1907 гг.) наконец начала решаться проблема институционализации российской социологии, ознаменовавшей *второй этап* её развития. По личному разрешению Николая II в 1908 г. в Петербурге был открыт частный Психоневрологический институт, который возглавил академик В. М. Бехтерев, с первой русской социологической кафедрой, руководителем которой стал М. М. Ковалевский, а позднее — П. А. Сорокин и К. М. Тахтарев. Конечно, стоит признать тот исторический факт, что первая отечественная кафедра социологии открылась на 16 лет позже социологической кафедры при Чикагском университете. Но понятны и политические причины произошедшего. Главное, что её создание состоялось и продемонстрировало научную устремлённость русских социологов. К тому же кафедра провела большую работу по организации обучения социологии и подготовила четыре выпуска сборника «Новые идеи в социологии».

С этого периода активизируется процесс институционализации российской социологии: в 1912 г. открывается социологическая секция при историческом факультете Петербургского университета, в марте 1916 г. учреждается Русское социологическое общество, названное после кончины М. М. Ковалевского его именем (май 1916 г.), а годом позже вводится научная степень по социологии.

Одновременно на втором этапе, пришедшемся на последнее десятилетие XIX — начало XX века, происходит дальнейшее содержательное развитие отечественных социологических традиций, возникают

новые направления и школы российской социологии. Среди наиболее влиятельных из их числа можно назвать, в частности, *социологическую школу права*, представители которой – известные правоведы и социологи Н. М. Коркунов, С. А. Муромцев, П. И. Новгородцев – выступили с резкой критикой позитивизма и декларировали стремление дать нормативистское, нравственно-правовое обоснование общественной жизни.

Бурное и разноплановое развитие дореволюционной отечественной социологии приводит к тому, что к концу второго этапа своего становления она *выходит на международную арену, причём выходит на равных с ведущими социологическими школами*. Российские социологи активно участвуют в работе Международного института социологии, регулярно проводившего международные конгрессы. Четверо из них (П. Ф. Лилиенфельд, М. М. Ковалевский, Н. И. Кареев, П. А. Сорокин) избираются в разное время президентами Института, что, безусловно, говорит о международном признании отечественной социологии.

Огромный вклад в достижение этого признания внёс известный историк, этнограф и социолог М. М. Ковалевский, в центре социологических воззрений которого находилось учение о солидарности и общественном прогрессе. «Без идеи прогресса, – подчеркивал он, – не может быть социологии, самый же прогресс... сводится к расширению сферы солидарности» [Ковалевский, 1997: 96–102].

М. М. Ковалевский уточнил представления о предмете и методе социологии, одним из первых применил в ней сравнительно-исторический метод, посредством которого исследовал генезис народов разных стран и эпох (*генетическая социология*), критиковал однофакторные точки зрения, получившие широкое распространение на Западе, *подчёркивая системный характер социальных взаимодействий*. Впоследствии эту центральную идею социологии поддержал американский учёный Т. Парсонс, выстроив на ней системную теорию структурно-функционального анализа. Активно используя сравнительно-исторический метод познания, М. М. Ковалевский стал продолжателем идей позитивизма.

Третий этап развития дореволюционной российской социологии характеризуется ориентацией на *неопозитивизм*, соединяющий основные установки позитивистской философии с широким использованием технического аппарата математической логики (К. М. Тахтарев, П. А. Сорокин), и ростом интереса к проведению масштабных социологических исследований. Наиболее развёрнутое обоснование неопозитивистская доктрина получила в работах создателя интегральной социологической теории, теорий социальной стратификации и социальной мобильности, концепции цивилизационных ступеней развития человечества как духовно-культурных образований П. А. Сорокина, сформулировавшего ряд основополагающих принципов социологического подхода, согласно которым социология как наука должна: 1) строиться по типу естественных наук; 2) изучать мир таким, каков он есть; 3) быть «объективной дисциплиной», то есть исследовать реальные взаимодействия людей, доступные эмпирическому измерению; 4) отказаться от «философствования» в смысле создания умозрительных систем;

5) пренебречь идеями монизма, предполагающего сведение любого явления к единственному началу [Сорокин, 1992; Сорокин, 2000; Сорокин, 2005; Сорокин, 2008].

Социология советского периода (1917–1989 гг.)

На начальном этапе её послереволюционного существования национальная самобытность отечественной социологии определялась не только спецификой присущих ей теоретико-методологических основ, но и её *эмпирическим наполнением*. Прежде всего, привлекает своеобразием и основательностью методический аппарат российской эмпирической социологии 1920-х годов [Шереги, 1978: 192–201], до сих пор недостаточно изученный и в очень малой степени востребованный в более поздний период (1960-е – 1970-е годы). При этом понимание самобытности российской прикладной социологии первых послереволюционных десятилетий невозможно вне учёта общественно-политической обстановки, сложившейся в стране в тот период. Накопление эмпирического опыта в деле строительства новой жизни, осознание необходимости перехода в работе с населением от прямолинейных «агиток» к научно-исследовательским методам *создали почву для возникновения отраслевых социологий*, работавших на представительном, а порой уникальном, практическом материале труда, быта, культуры, социальной структуры. В этом нетрудно убедиться, обратившись к проблематике прикладных исследований того времени, среди которых – изучение бюджетов времени рабочих, крестьян и служащих, социологические исследования последствий революции и гражданской войны, жизни села, труда и быта инженерно-технического персонала, изучение кинозрительской и читательской аудиторий, анализ методических особенностей социального обследования детства и многое другое.

Результаты исследований освещались более чем в десяти журналах по проблемам условий организации труда и управления («Организация труда», «Система и организация», «Производство, труд и управление», «Экономика и быт», «Статистика труда» и т. д.), что стимулировало интерес к социологии. В свою очередь, всё более широкое обращение к конкретным социологическим исследованиям способствовало росту числа методических разработок сродни тем, что проводились в американской эмпирической социологии. И хотя в советской социологии работа над методикой и техникой прикладных исследований носила фрагментарный характер и зачастую осуществлялась путём проб и ошибок, тем не менее происходило активное накопление практического опыта организации и проведения исследо-

ваний, комплексного использования различных социологических методов. При этом активно практиковалось ставшее традиционным для российской социологии обращение к социальной статистике.

В целом в первые годы после Октябрьской революции судьба отечественной социологии складывалась относительно благополучно: несмотря на сложности исторического момента, наблюдался её теоретический «рост», активно шёл процесс институционализации социологической дисциплины в новых общественных условиях. В октябре 1918 г., на волне революционных преобразований, был учреждён Социобиблиографический институт, занимавшийся не только библиографизацией новых явлений в области изучения социальных наук, но и популяризацией социологических знаний и трансформировавшийся со временем в Социологический институт, активно взаимодействовавший с Русским социологическим обществом имени М. М. Ковалевского, возобновившим свою деятельность в 1919 г.

Наряду с переводческой, лекционно-пропагандистской и научно-библиографической деятельностью Институт вёл исследовательскую работу по сбору эмпирических данных о самых разных сторонах жизнедеятельности общества. При этом его научные планы простирались очень далеко: так, известно, что возглавивший Институт в 1920 г. К. М. Тахтарев обратился в Народный комиссариат просвещения РСФСР с проектом по созданию Российского социологического института, который должен был развернуть работу по подготовке профессиональных исследователей-эмпириков, специалистов-теоретиков по разным отраслям социологии, преподавателей высшей школы, а также по распространению социологических знаний в народных массах. Однако данное предложение не встретило поддержки, а в 1921 г. был закрыт и сам Социологический институт, успевший за свою недолгую историю подготовить ряд монографических трудов по истории социологии и её современному состоянию, составить сводный каталог мировой литературы по социологии, подготовить к печати переводы книг американских авторов-социологов и т. п.

В 1919 г. на общеобразовательном факультете Петроградского государственного университета создаётся первая в стране кафедра социологии, руководителем которой с 1920 г. становится П. А. Сорокин. Помимо фундаментальных трудов Н. И. Кареева, П. А. Сорокина, К. М. Тахтарева, В. М. Хвостова в России издаются популярные учебники и учебные пособия по социологии, написанные менее известными авторами. Наконец, данными социальных наук и социологии, в частности, не пренебрегал и стоявший во главе советского государства В. И. Ленин, о чём свидетельствует принадлежащая ему известная работа «Статистика и социология» (1917 г.). Однако со временем ситуация изменилась.

Рассуждая на тему развития отечественной социологии в первые десятилетия советской власти, невозможно не апеллировать к сталинскому периоду жизни советского государства и общества. В ранее вышедших изданиях чуть ли не аксиомой являются утверждения о сталинских запретах на социологическую науку.

Однако благодаря появившемуся сегодня широкому доступу к архивным материалам обнаруживаются документы и факты, ставящие под сомнение радикальные оценки отношения к социологической науке в СССР в 1930-е – 1940-е годы. Прежде всего, речь идёт об известном тезисе, согласно которому в послереволюционный период социология (и даже само это понятие) была запрещена как «буржуазная лженаука», не только не совместимая с новым общественным строем, но и враждебная ему.

Действительно, с конца 1930-х годов социология «выпала» из системы советского обществоведения на несколько десятилетий. Однако, согласно данным последних исследований, какого-либо специального постановления партийных или научно-административных органов власти, санкционировавшего это «выпадение», не было. В отличие, например, от реального запрета такой отрасли научно-исследовательской деятельности и общественной практики, как популярная в стране в 1920-е – 1930-е годы педология. В результате принятого в июле 1936 г. Постановления ЦК ВКП (б) последняя буквально за месяц была ликвидирована с одним единственным наставлением: «... желающих педологов-практиков перевести в педагоги» [Козлова, 2016].

Заметим, что социологи «не проходили» и по нашумевшему процессу в отношении учёных – так называемому «Академическому делу» 1929–1931 гг., поскольку в Академии наук СССР их попросту не было. В числе репрессированных тогда оказались историки, филологи, географы и даже геологи.

Разумеется, новые архивные данные не означают, что в 1920-е – 1930-е годы социология, как и социальная философия, не понесла потерь. Напротив, как наука, не разделяющая положения догматиков марксизма-ленинизма, она была исключена из учебных программ и фактически «перенесена» в исследовательские институты, многие из которых были закрыты, даже не успев развернуть научную деятельность. В 1922 г. за открытую критику экономической и социальной политики советской власти и деятельность, не вписывающуюся в каноны марксистско-ленинского учения, из России было изгнано около 160 выдающихся деятелей науки и культуры. Среди известных социологов, попавших в кампанию по высылке гуманитарной интеллигенции, – университетские профессора П. А. Сорокин (с чьим именем в основном и ассоциируется репрессирование отечественной социологии в начале 1920-х годов) и Б. Д. Бруцкус – экономист-аграрник со значительной тягой к социологии, а также социальные философы И. А. Ильин, С. О. Франк, Н. О. Лосский, С. Н. Булгаков, И. И. Лапшин, А. В. Фроловский и др. Некоторые видные учёные-обществоведы эмигрировали добровольно (П. И. Новгородцев, Е. В. Спекторский, С. Н. Тимашев и др.).

Однако были и те, кто после революции не уехал из России и стремился развивать социологию в контекстах советской действительности. Среди них — Н. И. Кареев, К. М. Тахтарев, А. С. Лаппо-Данилевский, П. А. Флоренский и многие другие. Таким образом, мрачная атмосфера, сложившаяся вокруг социологии в 1920-е — 1930-е годы, и даже отдельные факты идеологического и организационного давления на неё советского режима вовсе не свидетельствуют в пользу существенного «выпадения» данной науки из всех пластов российской общественной мысли сталинского периода. Правильнее, скорее, говорить о том, что при всём своём институциональном несовершенстве, отечественная социология накопила за предшествующие десятилетия (с середины XIX века) солидный ресурс научной самобытности и сумела занять видное место в мировой социологической традиции, а *воздействие на неё системных политических и социальных условий нового времени* — условий, в которых утвердившаяся советская власть предписывала обществу жёсткие рамки, обусловленные идеологией, теорией и практикой советского строительства, оказалось глубоким сдерживающим фактором её развития на определённый исторический срок.

В сложившейся ситуации функции социологической науки были, по сути дела, переданы *марксистско-ленинской философии* и другим социально-гуманитарным дисциплинам. Именно этим можно объяснить тот факт, что с середины — конца 1930-х годов для российской социологии наступает период забвения, а точнее сказать — перехода в латентное состояние.

Общие причины подобного перехода очевидны — переломные исторические события в России: революция 1917 г., Первая мировая и Гражданская войны, индустриализация и коллективизация народного хозяйства, внедрение плановых начал в управление экономикой. Однако при том, что политико-идеологические каноны советской власти предъявляли к социологической науке жёсткие требования, дух и буква дореволюционной русской социологии, уровень её научного развития (причём не менее высокий, чем социологии европейской и американской) не могли исчезнуть по чьему-либо велению, а потому она естественным образом (по известной формуле: *«Я — мысль, а мысль убить нельзя!»*) сохраняла свои традиционные и самобытные черты.

Фактическое возрождение социологии в СССР пришлось на начало «хрущёвской оттепели», а её официально провозглашённая функция сводилась к информационному обеспечению проводимых в стране в ту пору реформ. При этом основной акцент был сделан на прикладные задачи социологической науки и обоснование значимости эмпирических методов познания социума. В этот период стали налаживаться зарубежные контакты. В 1956 г. советские учёные впервые приняли участие в III Всемирном социологическом конгрессе Международной социологической ассоциации, а в последующее десятилетие СССР посетили Р. Арон, Р. Мертон, Т. Парсонс и другие представители западной социологии.

С образованием в 1958 г. Советской социологической ассоциации была завершена официальная институционализация отечественной социологии на новом витке её существования. В 1968 г. Постановлением Президиума

Академии наук СССР в стране был организован первый академический институт социологии – Институт конкретных социальных исследований (ИКСИ АН СССР), отделы которого функционировали не только в Москве, но и в ряде крупных городов страны. Важной вехой в становлении и развитии отечественной социологической науки становится и произошедшее в том же году открытие в МГУ имени М. В. Ломоносова кафедры методики конкретных социальных исследований, основным направлением деятельности которой являлась специализация студентов по социологии. С середины 1960-х годов активно издаётся социологическая литература, начинают выходить периодические сборники «Социальные исследования» и «Информационный бюллетень Советской социологической ассоциации (ССА)». Широко публикуются статьи, монографии и сборники по социологической проблематике.

В этот же период в СССР появляются региональные социологические центры, ведущие систематическую работу по совершенствованию научного аппарата исследований. Так, ленинградские социологи плодотворно занимались разработкой методики сбора первичной социологической информации; новосибирские – совершенствованием математического аппарата исследований социальных процессов; таллинские – вопросами компьютерной обработки социологических данных и т. д.

Начиная с середины 1960-х годов широкое развитие получают социологические исследования, проводимые в различных отраслях промышленности (*заводская социология*); создаются социологические подразделения в союзных республиках. Не прекращается интенсивная разработка теоретических и методических проблем социологии (работы Г. М. Андреевой, А. Г. Здравомыслова, Ю. А. Левады, Г. В. Осипова, В. А. Ядова, посвящённые программе, инструментарию, процедуре и организации социологического исследования), на основе которой возникают многочисленные интерпретации исходных документов, необходимых для подготовки и проведения научных исследований. Часть из них (например, «Человек и его работа», «Рабочая книга социолога») была рассчитана на высокопрофессиональное изучение объективной реальности с помощью социологических методов; другая – адаптировала эти документы к решению экономических, политических и культурных задач; третья носила сугубо утилитарный, прикладной характер и была нацелена, главным образом, на урегулирование неотложных производственных или учебных проблем.

Одновременно имел место сложный поиск ответов на фундаментальные вопросы социологической науки, шло установление её связи с другими научными дисциплинами. Постепенно

появляются специалисты-социологи как по теоретическим и методологическим проблемам социологии, так и по отдельным отраслям социологического знания. Складываются и активно развиваются исследования в области *труда и управления* (Н. А. Аитов, Н. И. Дряхлов, Н. И. Лапин, Г. Н. Соколова, Ж. Т. Тощенко, С. Ф. Фролов, О. И. Шкаратан), *социологии города* (А. В. Дмитриев, С. В. Успенский, О. Н. Яницкий), *социологии села* (Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина, И. М. Слепенков, В. И. Староверов), *социальной структуры* (Л. А. Гордон, Э. В. Клопов, М. Н. Руткевич, З. Т. Голенкова), *демографии и миграции* (А. Г. Вишневский, Ж. А. Зайончковская, В. И. Переведенцев, Н. М. Римашевская, Л. Л. Рыбаковский), *этносоциологии* (Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, В. Н. Иванов), *молодёжи* (В. Т. Лисовский, В. И. Чупров, В. Н. Шубкин), *образования* (Ф. Р. Филиппов), *общественного мнения и средств массовой информации* (Б. А. Грушин, В. П. Коробейников, Б. М. Фирсов, В. Э. Шляпентох), *культуры* (Л. Н. Коган, Е. М. Бабосов, Л. Г. Ионин), *семьи* (А. Г. Харчев, А. И. Антонов, М. С. Мацковский и др.), *религии* (Д. М. Угринович, В. И. Гараджа), *общественной активности* (Ю. Г. Волков, В. Г. Мордкович), *социологии науки* (А. А. Зворыкин, С. А. Кугель, В. Ж. Келле).

Значительный интерес представляли работы, посвящённые проблемам надёжности, обоснованности, репрезентативности и методике социологических исследований (Г. С. Батыгин, И. А. Бутенко, В. Г. Гречихин, Б. З. Докторов, О. М. Маслова, В. И. Паниотто, В. О. Рукавишников, Ю. Н. Толстова, Ф. Э. Шереги и др.), в которых рассматривались вопросы, касающиеся повышения качества эмпирического исследования различных общественных процессов, анализировались типичные ошибки, выявлялись ограничения, влияющие на полноту и достоверность получаемых выводов. Большую роль сыграли и научные публикации по методам социологического исследования, а также сбору, обработке, хранению и использованию социологической информации. Работы В. Г. Андреевкова, Э. М. Андреева, Ф. М. Бородкина, Г. Г. Татаровой, Г. И. Саганенко и других пропагандировали и разъясняли принципы, на основе которых союз социолога и математика серьёзно обогащает социологическую науку, повышает качество и надёжность получаемых с её помощью результатов.

Институционализация социологии в современной России (1989–2010-е годы)

Начало 1980-х годов ознаменовалось новым витком политико-идеологического давления на советскую социологию, выразившегося в попытках подменить социологические исследования опросами общественного мнения.

Однако уже с конца 1980-х гг., в условиях ослабления партийно-идеологического прессинга, постановлениями ЦК КПСС социологическая наука была призвана для решения задач политики перестройки, инициированной

М. С. Горбачевым, а вопрос её дальнейшего конституирования и использования социологических исследований в урегулировании проблем социально-экономического развития страны поднят до общегосударственного уровня.

В вышедшем в 1988 г. постановлении ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества», по сути, впервые за годы её существования в СССР была признана полная самостоятельность социологической науки и необходимость активного развития её теоретического базиса. Одновременно в документе подчёркивалась значимость проведения не только теоретических, но и прикладных социологических изысканий, предусматривались меры по реформированию академических институтов, улучшению социологического образования, подготовки, переподготовки и повышению квалификации кадров социологов. Как следствие, в этом же году социология была включена в номенклатуру специальностей научных работников Высшей аттестационной комиссии и впервые отделена в этом смысле от философских наук, а Государственный комитет СССР по народному образованию издал приказ «О формировании системы подготовки социологических кадров в стране», в соответствии с которым в 1989 г. в МГУ имени М. В. Ломоносова и Ленинградском государственном университете (а впоследствии и в десятках вузов в других регионах страны) были созданы профильные социологические факультеты, положившие начало развитию отечественного высшего профессионального социологического образования.

Изменения затронули и академическую среду: в 1991 г. с созданием Российской академии наук в структуре последней закрепляется образование Института социологии РАН и Института социально-политических исследований РАН, возникших как два самостоятельных учреждения в связи с разделением Института социологии АН СССР. Без малого полтора десятка лет спустя Институт социологии РАН вновь реорганизуется, трансформируясь путём слияния с Институтом комплексных социальных исследований РАН и Институтом сравнительной политологии РАН в качественно новое, междисциплинарно ориентированное научно-исследовательское учреждение. В 1992 г. правопреемником Советской социологической ассоциации становится Российское общество социологов (РОС), представляющее интересы отечественной социологии в Международной социологической ассоциации.

Новые веяния способствовали развитию научных исследований в рамках не только академических, но и иных, ранее не существовавших структур (в том числе федерального уровня), среди которых —

Всесоюзный (после распада СССР – Всероссийский) центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Фонд содействия изучению общественного мнения «Vox Populi» под руководством Б. А. Грушина, независимая социологическая служба Фонд «Общественное Мнение», аналитический центр Юрия Левады «Левада-Центр», исследовательский центр «Ромир» и др., специализирующихся на изучении общественного мнения по основным экономическим, социальным и политическим проблемам развития страны и сдвигов в массовом сознании населения России.

Наконец, начиная с 1990-х годов происходят изменения в тематике и предметном поле отечественных социологических исследований, обусловленные изначально идеологическими обстоятельствами, а впоследствии – и процессами нарастающей диверсификации, активного пополнения отечественной социологии новым содержанием, переоформления междисциплинарных границ и институционализации новых исследовательских направлений, в том числе посредством углубления междисциплинарных связей, заметно продвинувшего, к примеру, такие отрасли современной российской социологии, как социология права, экономическая социология, социология политики и др.

При этом российские социологи не ограничивают собственные изыскания национальными рамками, но, напротив, по-прежнему стремятся к тесному контакту с зарубежными коллегами, что, несомненно, обогащает отечественную социологию новыми идеями, оснащает её передовыми методами изучения социальных процессов. Немаловажным и актуальным трендом следует признать и приверженность многих из них современным идеям *публичной социологии* с присущими ей общественным характером, демократичностью, диалогичностью и гражданственностью – социологии открытой, рефлексивной и устремлённой во внеакадемические среды.

* * *

Подводя итог, правомерно поставить вопрос: чему же учит анализ противоречивого процесса становления отечественной социологии, осмысление её национальной самобытности?

Прежде всего тому, что любые научные (как и иные) институты формируются и проявляют себя через систему общественных отношений, складывающихся в конкретно-исторических условиях. Перефразируя известную ленинскую формулу, можно сказать так: существовать в обществе и быть свободным от общества – нельзя. Это не под силу даже социологии – науке по природе своей глубоко аналитической, независимой, а временами и непокорной.

Вместе с тем уроки истории учат и тому, что социология является важным ресурсом изменений общественной жизни и общественных институтов, который сосредотачивает в себе способы рационального осмысления социальных проблем. А это означает, что она изначально представляет собой *способ самопознания общества*.

Однако данный способ самопознания может существенно меняться в ходе исторических трансформаций, переживаемых обществом. Вступление в каждый новый этап развития означает рождение нового взгляда социума на самое себя. Из этого же следует, что социологическое мышление обретает новые параметры своего содержания, что и демонстрирует эволюция национальной самобытности российской социологии.

О чём это говорит? О том, что понять общество, в том числе и такое своеобразное, как Россия, возможно только на основе его собственного исторического развития, ибо отношения и взгляды людей на самих себя и на жизнь социума не уходят в небытие. Они живут в каждом новом поколении, приспосабливаясь к инновациям современности. В этом, по мысли А. Г. Здравомыслова, и состоит одна из дилемм социального мышления: оно не может освободиться от сложившихся форм в тех же масштабах и темпах, которые сопряжены с изменением жизненных практик. И в тоже время оно не может существовать без постоянного обновления [Здравомыслов, 2010].

Получается, что *специфика социологического мышления и заключается в постоянном движении от теоретических постулатов и предположений к фактическому материалу, а затем — в восхождении от эмпирического знания к построению теории.*

История становления и развития отечественной социологической науки демонстрирует, через какую острую борьбу и конфликты она пробивала себе дорогу в жизнь, завоевывала научный авторитет и влияние в системе управления государством и обществом. Без преувеличения можно сказать: вряд ли какая из отраслей общественного знания испытала на себе подобные «хождения по мукам», особенно в послевоенный период, когда решалась задача возрождения и утверждения лучших достижений и традиций отечественной социологии, её конституирования в качестве самостоятельной науки.

Тем не менее и в современной России социологическая наука постепенно включается в такие сферы деятельности, как принятие управленческих решений, законодательный процесс, организация науки и образования, журналистика, маркетинг, реклама, избирательные кампании, общественная и правозащитная деятельность и т. д. Другое дело, что результаты, получаемые социологами, можно (и должно) было бы использовать эффективнее — как инструмент подъёма экономики в масштабах всей страны и отдельных регионов, улучшения систем управления предприятиями и их персоналом, совершенствования социальной политики, решения проблем неравенства, бедности, урегулирования этнических и религиозных конфликтов.

Утвердившиеся сегодня открытость и плюрализм современной российской социологии означают, что идёт напряжённый творческий процесс переосмысления доминирующих в мировой литературе теоретических направлений с тем, чтобы они приобретали значимость с точки зрения анализа российской социальной реальности в её политическом, экономическом и культурном измерениях. При этом российская социология связана в наши дни с зарубежными социологическими школами, направлениями и соответствующими университетами. В этом — одно из её преимуществ, не позволяющее ей замыкаться в рамках некоторой самобытной ортодоксии.

Заметим при этом, что во многих регионах мира (и, прежде всего, в странах БРИКС) укрепляются тенденции преодоления гегемонии западной социологии и поиска источников науки об обществе, соответствующих национальной культуре и актуальным запросам конкретного социума. К настоящему времени ряд национальных социологий, можно сказать, преодолел стадию ученичества у социологии западной, продолжавшуюся с конца XIX до начала XXI века. От конгресса к конгрессу Международной социологической ассоциации появляется всё больше примеров того, как национальные социологи активно разрабатывают самобытные методологии и теории социологических исследований, предлагая мировому сообществу весьма оригинальные и необычные научные тренды.

К большому сожалению, современная российская социология, во многом утратившая преемственность с отечественной дореволюционной социологией и пережившая в 1990-е годы подражательный этап своего развития, оказалась в ранге «догоняющей». До сих пор она ещё не в полной мере отвечает императивам времени, предлагая концепты, не всегда соответствующие её прошлым и настоящим интеллектуальным достижениям. Отсюда, по сути дела, естественным образом вытекает непереносимое условие плодотворности развития современного российского социологического поля — *научно-критическое осмысление и применение накопленного западными социологическими школами знания, причём непременно в контексте формирования уважения к собственным национальным традициям социального мышления, использования багажа собственных школ социологического знания и осуществления на этой основе собственного социологического осмысления российских реальностей.*

Список литературы

Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь / Пер. с англ. И. Г. Ясавеева; под ред. С. А. Ерофеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономика, 2004. 620 с.

Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? / Сост., вступ. ст. В. Н. Грекова. М.: РОССПЭН, 2002. 1008 с.

Бергер П. Л. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива / Пер. с англ. О. А. Оберемко; под ред. Г. С. Батыгина. М.: Аспект Пресс, 1996. 168 с.

Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство / Сост. С. В. Лебедев; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2009. 496 с.

Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Прикладная социология: методология и методы: учеб. пособие / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2009. 416 с.

Гофман А. Б. Семь лекций по истории социологии: учеб. пособие для вузов. 5-е изд. М.: Книжный дом «Университет», 2001. 216 с.

Зборовский Г. Е. История социологии: современный этап: учеб. для вузов / Г. Е. Зборовский; Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования ХМАО – Югры «Сургут. гос. пед. ун-т»; Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. проф. образования «Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина». 2-е изд., испр. и доп. Сургут: РИО СурГПУ, 2015. 259 с.

Здравомыслов А. Г. Поле социологии в современном мире / Под общ. ред. Н. И. Лапина. М.: Логос, 2010. 410 с.

Киреевский И. В. Избранные статьи. М.: Современник, 1984. 384 с.

Ковалевский М. М. Сочинения: в 2-х т. / М. М. Ковалевский; отв. ред. А. О. Бороноев. СПб.: Алетейя, 1997. Т. 1: Социология. 287 с.

Козлова Л. А. Послереволюционная российская социология: неудавшаяся попытка советизации // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 105–113.

Кошелев А. И. Избранные труды / Александр Иванович Кошелев; сост., авт. вступ. ст. и коммент. п. В. Акульшин, В. А. Горнов. М.: РОССПЭН, 2010. 599 с.

Лапин Н. И. Когда и как Огюст Конт ввёл термин «sociologie» // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 25–33.

Майков В. Н. Общественные науки в России // Финский Вестник. 1845. Т. 1. Отд. IV. С. 1–56.

Миллс Ч. Р. Социологическое воображение / Пер. с англ. О. А. Оберемко; под общ. ред. и с предисл. Г. С. Батыгина. М.: NOTA VENE, 2001. 264 с.

Новикова С. С. История развития социологии в России: учеб. пособие. М.: Моск. психолого-социальный ин-т; Воронеж: МОДЭК, 1996. 288 с.

Новикова С. С. Социология: история, основы, институционализация в России. М.: Моск. психолого-социальный ин-т; Воронеж: МОДЭК, 2000. 464 с.

Обыденное и научное знание: взаимовлияния и реконфигурации: [монография] / И. Ф. Девятко [и др.]; Под ред. И. Ф. Девятко, Р. Н. Абрамова, И. В. Катерного. Москва: Прогресс-Традиция, 2015. 328 с.

Плеханов Г. В. Сочинения: в 24 т. / Под ред. Д. Рязанова. 2-е изд. М.; Л.: Госиздат, 1925–1927. Т. X. 1925. 423 с.

Подвойский Д. Г. О предпосылках и истоках рождения социологической науки // Социологические исследования. 2005. № 7. С. 3–12.

Славянофилы. Историческая энциклопедия / Автор-сост. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 736 с.

Сорокин П. А. Система социологии / Вступ. ст., сост. и коммент. В. В. Сапова. М.: Астрель, 2008. 2003 с.

Сорокин П. А. Социальная мобильность / Пер. с англ. М. В. Соколовой; под общ. ред. В. В. Сапова. М.: Academia; LVS, 2005. 588 с.

Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 1176 с.

Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов; пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. 696 с.

Шереги Ф. Э. Методический аппарат прикладной социологии 1920-х годов // Социологические исследования. 1978. № 1. С. 192–201.

Дата поступления в редакцию: 15.01.2017

DOI: 10.19181/snsp.2017.5.2.5147

Sociology in Russia – Formation and Development

Gorshkov Mikhail Konstantinovich

Doctor of Philosophy, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Krzhizhanovskogo str., 24/35, build 5, 117218, Moscow, Russia. E-mail: director@isras.ru

Abstract. The article reveals the national identity of Russian sociology, and identifies the main factors of this identity. The specifics of Russian sociology are determined by the author in three appraisal and analytical dimensions: historical roots; substantial and institutional development; modern condition and the resource for further development. It is noted that the pluralism established in modern Russian sociology is related to the rethinking of dominant world theoretical directions. It is concluded that there is a need to scientifically and critically comprehend the possibility of applying the knowledge accumulated by Western sociological schools, and certainly in the context of building respect for own national traditions of social thinking.

Keywords: Russian sociology, originality, traditions, history, modernity.

REFERENCES

Aberkrombi N., Hill S., Terner B. 2004. Sociologicheskij slovar'. [Sociological dictionary]. Per. s angl.; Ed. by S. A. Erofeeva. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Ekonomika, 620 s. (In Russ.).

Aksakov I. S. 2002. Otchego tak nelegko zhivetsja v Rossii? [Why so hard to live in Russia?]. Sostavlenie, vstup. stat'ja V. N. Grekova. M.: ROSSPJeN, 1008 s. (In Russ.).

Berger P. L. 1996. Priglaszenie v sociologiju. Gumanisticheskaja perspektiva. [Humanistic perspective]. Perevod s angl. O. A. Oberemko; Ed. by G. S. Batygin. M.: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 168 s. (In Russ.).

Gil'ferding A. F. 2009. Rossija i slavjanstvo. [Russia and the Slavs]. Sost. S. V. Lebedev; otv. red. O. A. Platonov. M.: Institut ruskoj civilizacii, 496 s. (In Russ.).

Gofman A. B. 2001. Sem' lekcij po istorii sociologii: Uchebnoe posobie dlja vuzov. [Seven lectures on sociology: textbook for universities]. 5-e izd. M.: Knizhnyj dom «Universitet», 216 s. (In Russ.).

Gorshkov M. K., Sheregi F. Je. 2009. Prikladnaja sociologija: metodologija i metody: Uchebnoe posobie. [Applied sociology: methodology and methods. Tutorial]. M.: Al'fa-M, INFRA-M, 416 s. (In Russ.).

- Kireevskij I. V.* 1984. Izbrannye stat'i. [Selected articles]. M.: Sovremennik, 384 s. (In Russ.).
- Kovalevskij M. M.* 1997. Sochinenija v 2-h tomah. [Works in 2 vols]. Ed. by A. O. Boronoev. SPb.: Izdatel'stvo «Aletejja», Tom 1: Sociologija. 287 s. (In Russ.).
- Kozlova L. A.* 2016. Poslerevoljucionnaja rossijskaja sociologija: neudavshajasja popytka sovetizacii. [Post-revolutionary Russian sociology: a failed attempt to sovietize]. *Sociologicheskie issledovanija*. № 12. S. 105–113. (In Russ.).
- Koshelev A. I.* 2010. Izbrannye Trudy. [Selected works]. Sost., avt. vstup. st. i komment.: P. V. Akul'shin, V. A. Gornov. M.: ROSSPEN, 599 s. (In Russ.).
- Lapin N. I.* 2003. Kogda i kak Ogjust Kont vvjol termin «sociologie». [When and how did Auguste Comte coined the term “sociology”]. *Sociologicheskie issledovanija*. № 4. S. 25–33. (In Russ.).
- Majkov V. N.* 1845. Obshhestvennye nauki v Rossii. [Social Sciences in Russia]. *Finskij Vestnik*. T. 1. Otd. IV. S. 1–56. (In Russ.).
- Mills Ch. R.* 2001. Sociologicheskoe voobrazhenie. [Sociological imagination]. Per. s angl. O. A. Oberemko; pod obshhej redakciej i s predisloviem G. S. Batygina. M.: Izdatel'skij Dom NOTA BENE, 264 s. (In Russ.).
- Novikova S. S.* 1996. Istorija razvitija sociologii v Rossii: Uchebnoe posobie. [The history of the development of sociology in Russia: a tutorial]. M.: Moskovskij psihologo-social'nyj institut; Voronezh: Izdatel'stvo NPO «MODJeK», 288 s. (In Russ.).
- Novikova S. S.* 2000. Sociologija: istorija, osnovy, institucionalizacija v Rossii. [Sociology: history, foundations, institutionalization in Russia]. M.: Moskovskij psihologo-social'nyj institut; Voronezh: Izdatel'stvo NPO «MODJeK», 464 s. (In Russ.).
- Obydennoe i nauchnoe znanie: vzaimovliyanija i rekonfiguratsii. [Everyday and scientific knowledge: interaction and configuration]. Ed. by I. F. Devyatko, R. N. Abramov, I. V. Katerniy. Moskva: Progress-Traditsiya, 2015. 328 s.
- Plehanov G. V.* 1925. Sochinenija: V 24 tomah. [Works in 24 volumes]. Ed. by D. Rjazanov. Izd. 2-e. M. – L.: Gosizdat, 1925–1927. Tom X. 423 s. (In Russ.).
- Podvojskij D. G.* 2005. O predposylkah i istokah rozhdenija sociologicheskoi nauki. [Prerequisites and origins of the birth of social science]. *Sociologicheskie issledovanija*. № 7. S. 3–12. (In Russ.).
- Slavjanofily. Istoricheskaja jenciklopedija. 2009. [Slavophiles. Historical encyclopedia]. Avtor-sostavitel' O. A. Platonov. M.: Institut russkoj civilizacii, 736 s. (In Russ.).
- Sorokin P. A.* 2008. Sistema sociologii. [System of sociology]. M.: Izdatel'stvo «Astrel'», 2003 s. (In Russ.).
- Sorokin P. A.* 2005. Social'naja mobil'nost'. [Social mobility]. Per. s angl. M. V. Sokolovoj; Ed. by V. V. Sapova. M.: «Academia»; LVS, 588 s. (In Russ.).
- Sorokin P. A.* 2006. Social'naja i kul'turnaja dinamika. [Social and cultural dynamics]. Per. s angl., vst. stat'ja i kommentarij V. V. Sapova. M.: Astrel', 1176 s. (In Russ.).
- Sorokin P. A.* 1992. Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo. [People. Civilization. Society]. Obshh. red., sost. i predisl. A. Ju. Sogomonov; Per. s angl. M.: Politizdat, 543 s. (In Russ.).

Sociologija v Rossii. 1998. [Sociology in Russia]. Ed. by V. A. Jadov. 2-e izd., pererab. i dopoln. M.: Izdatel'stvo Instituta sociologii RAN, 696 s. (In Russ.).

Sheregi F. Je. 1978. Metodicheskij apparat prikladnoj sociologii 1920-h godov. [The methodological device of applied sociology 1920-ies]. *Sociologicheskie issledovanija*. № 1. S. 192–201. (In Russ.).

Zborovskij G. E. 2015. Istorija sociologii: sovremennij jetap: ucheb. dlja vuzov. [History of sociology: the contemporary stage: the textbook for high schools]. 2-e izd., ispr. i dop. Surgut: RIO SurGPU, 259 s. (In Russ.).

Zdravomyslov A. G. 2010. Pole sociologii v sovremennom mire. [The field of sociology in the modern world]. Ed. by N. I. Lapin. M.: Logos, 410 s. (In Russ.).

Date received by 15.01.2017